

В.А. СУХОМЛИНСКИЙ

ЭТЮДЫ О КОММУНИСТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ

Слово учителя о воспитании нравственности

Слово учителя — ничем не заменимый инструмент воздействия на душу воспитанника. Искусство воспитания включает прежде всего искусство говорить, обращаться к человеческому сердцу. Я твёрдо убеждён, что множество школьных конфликтов, нередко оканчивающихся большой бедой, имеет своим источником неумение учителя говорить с учениками.

Стала тривиальной истина, что влияние личности учителя на воспитанника ни с чем не сравнимо и ничем не заменимо, но повторяющие эту истину редко отдают себе отчёт в том, что личность учителя раскрывается перед учениками в единстве слова и поведения. Учитель в слове выражает себя — свою культуру, свою нравственность, своё отношение к воспитаннику.

Главное, что определяет эффективность слова учителя, — его честность. Ученики очень тонко чувствуют правдивость слова учителя, чутко откликаются на правдивое слово. Ещё тоньше чувствуют дети неправдивое, лицемерное слово.

Воздействие слова воспитателя в большей мере зависит также от эмоциональной его культуры; это часть культуры педагога как личности. Подлинный мастер-воспитатель даёт нравственную оценку поступкам, поведению учеников не специально подобранным острым, «крутым» словом, а прежде всего эмоциональным оттенком обычных слов.

Возьмём фразу: «Как нехорошо ты сделал...» Эти слова, сказанные одним учителем, пробуждают у воспитанника огорчение, глубокие угрызения совести, даже смятение, сказанные же другим, они не пробуждают никаких чувств, воспринимаются равнодушно. Первый учитель, скажем мы, отличается эмоциональной культурой. Ей невозможно научиться специально, она самым тесным образом связана с культурой нравственной, с человечностью, с чуткостью души. У второго учителя слово обесчеловечено, и его пустоту учитель часто стремится возмес-

тить криком. Сколько в школах «воспитателей», которые владеют лишь одной нотой эмоциональной гаммы — возмущением! Они достойны глубокого сожаления. Их воспитательное воздействие равно нулю.

Условие действенности слова воспитателя — широкое содержание, разнообразие целей обращения педагога к воспитаннику. Педагогическое бескультурье зачастую выражается в том, что воспитатель знает лишь две-три цели словесного обращения к питомцам — запрет, разрешение, порицание. У мастера-воспитателя обращение к воспитаннику имеет множество целей, и одна из самых частых — *разъяснение* нравственной истины, понятия, нормы. В этом умеет добиться эффекта лишь тот воспитатель, который знает, чувствует отношение своих воспитанников к хорошему и плохому в самих себе, их способность критически относиться к собственным недостаткам. Такой воспитатель, разъясняя нравственное понятие, всегда обращается непосредственно к внутреннему миру воспитанника, стремится добиться того, чтобы его питомец анализировал какой-то свой поступок, какую-то черту своего поведения, увидел себя глазами других людей.

Внушение требует от воспитателя огромной затраты духовных сил. Условие внушения — органическое единство глубокой веры учителя в то, что он говорит, правдивости его идеи и яркости, силы, выразительности слова. Отличный воспитатель прибегает к внушению не часто, опасаясь авторитарности. Гораздо чаще воздействует педагог убеждением — логическим доказательством истинности той или иной нормы, того или иного положения.

Воспитателю надо знать, как убеждать малышей и как подростков, юношей и девушек. Если маленький школьник охотнее всего берёт истину из яркой жизненной истории, то для подростка и тем более юноши путь к убеждению лежит через философствование, раздумье, размышление.

Педагог, обладающий высокой педагогической культурой, учит размышлению вслух, он делится с юношами и девушками своими сомнениями, обращается к ним за советом, приглашает к совместным раздумьям. Слово такого учителя непринуждённо, задушевно, оно утверждает атмосферу доверия, чистосердечности, общности, в разговоре педагога и учащихся утверждается единство взглядов на добро и зло, на нравственные ценности; такой разговор приближает воспитателя к воспитанникам, всякая же попытка войти в духовный мир воспитанников хитростью, «через задворки», разыграть близость с воспитанниками обычно терпит провал. Моральное право на задушевную откровенность питомцев имеет только тот, кто уважает и любит их, верит в доброе начало в каждой юной душе, непримирим ко всему показному, фальшивому, лицемерному.

Эффективный приём нравственного воспитания учащихся — *введение их в мир борьбы нравственных идей*, сократический, мы бы сказали, приём активизации мышления подростка путём выявления противоположных идей, тенденций. Этот приём пользования словом очень важен в обучении, но нужен и важен он и в области нравственного воспитания.

Приёмом *побуждения* воспитателю легко проверить своё педагогическое мастерство, проверить самого себя. Воспитатель побуждает питомцев к творческому выполнению той или иной работы, к преодолению трудностей, к длительному сосредоточению волевых и умственных сил для достижения цели, к товарищеской взаимопомощи и т. д. В основе побуждения почти всегда лежит непосредственное обращение к чувству собственного достоинства, к здоровому самолюбию школьника. Но это обращение не должно превращаться в захваливание, — надо очень тонко, незаметно пробудить у школьников желание утвердить своё достоинство. Ни в коем случае не должны быть предметом похвалы проявления элементарной моральной культуры; большую ошибку допускают отдельные воспитатели, представляя как доблесть готовность прийти на помощь человеку и т. п. Хвалить надо тогда, когда ученик поднялся над требованиями азбуки моральной культуры.

Похвала, поощрение ученика, коллектива — очень большая воспитательная сила: возрастает чувство собственного достоинства поощряемых,

у них возникает желание поступать ещё лучше. Совершенно недопустимо поощрение тех коллективов и отдельных учащихся, которые являются «лучшими среди плохих».

Педагогу надо быть не только добрым, чутким, но и строгим, непримиримым к лени, лжи, лицемерию, бесчеловечности. Если приходится иметь дело с личностью развращённой, бравирующей своей безнаказанностью, не желающей выполнять элементарных норм поведения, надо со всей решительностью браться за инструмент, к которому в воспитании прибегают не часто, — *за принуждение*.

Жан-Жак Руссо писал, что верный способ испортить человека — это дать ему все и не требовать с него ничего: «тогда тиран будет к вашим услугам». Одной из истин педагогической мудрости, уходящей своими корнями в многовековой опыт трудового народа, является положение: чем больше человеку даётся, тем больше с него и надо спрашивать. Эту истину необходимо претворить в нормы и правила школьной жизни, претворить в отношения между молодым поколением и старшими. Но надо ещё раз напомнить о том, насколько это острый и небезопасный инструмент воспитания — принуждение, проявление власти человека над человеком. [...]

Наказание не только крайняя форма принуждения, это также одна из форм гражданской оценки поведения человека. Наказание перевоспитывает лишь тогда, когда в чём-то убеждает, заставляет задуматься над собственным поведением, над отношением к людям. Мы возьмём только такую форму наказания, как *порицание*.

Воспитательная сила порицания учителя зависит от его моральных качеств, от его тактичности, авторитета. Какой бы резкой ни была оценка поведения ученика, опытный воспитатель никогда не допускает уничтожающей оценки. В умном порицании всегда есть оттенок удивления: «Я никогда не ожидал от тебя такого поступка, я считал и продолжаю считать тебя лучше, чем ты заявляешь о себе своим поступком». Эти слова не произносятся, но обязательно «читаются между строк» — в этом как раз и заключается искусство порицания. Если же воспитатель вместо тонкого, умного порицания «практикует» ругань, оскорбляет достоинство школьника, это вызывает жестокость, отчаяние, злобу и замкнутость,

отношение к воспитателю как к враждебной силе. Искусство порицания состоит в мудром сочетании строгости и доброты: ученик должен почувствовать в порицании педагога справедливую строгость, но и человеческую заботу о себе.

Выражение недоверия — это один из самых острых инструментов воспитания. На применении его быстрее всего испытывается педагогическая культура воспитателя. Недоверие может оказать нужное педагогическое воздействие лишь при условии строго индивидуального его применения. Недопустимо выражение недоверия к нескольким ученикам, а тем более ко всему коллективу.

Есть несколько оттенков недоверия. По отношению к ученику, совершающему неблагоприятные поступки по ошибке, по неосмотрительности, в силу беззаботности и лёгкомыслия, и совершающему их уже не раз, изредка можно применить «предупреждающее» недоверие.

Бывают случаи (в хороших школах — очень редкие), когда отдельные школьники грубо нарушают дисциплину, чувствуют свою безнаказанность, хорошо понимая при этом и сущность своих поступков, и то, что их поведение мешает нормально работать и учителю, и классу. Если ко мне в школу приходит из другой школы такой ученик, я излечиваю его осуждающим недоверием, которое сочетается с другими очень эффективными методами воспитания — усиленным контролем, надзором, принуждением. Всё это применимо, повторяю, по отношению к тем ученикам, у которых в силу сложившихся дома обстоятельств и в силу многочисленных ошибок, допущенных школой, извращены представления о добре и зле, до крайности развился эгоизм, совершенно притуплена способность переживать душевные движения других людей. Осуждающее недоверие заключается в том, что коллектив не доверяет ученику деятельность, которая связана с созданием тех или иных благ для коллектива, выполнение обязанностей, имеющих характер почётного долга. Я применил это средство к одному семикласснику, только что пришедшему в нашу школу, в следующих обстоятельствах.

Весной класс закладывал «Сад Матери». Девяти мальчикам (всем мальчикам класса) предстоял нелёгкий, но почётный труд: пойти в лес, накопать саженцев липы для посадки в торжественный день. Я чувствовал, что Андрей К. сейчас скажет: «А я

не пойду, не хочу». И я поспешил сказать то, что ошеломило подростка: «Этот труд настолько почётен, что доверить его можно не каждому. Тем, для кого нет ничего святого, мы не можем доверить самого тонкого, самого нежного — жизни дерева, которое высаживается на память о матери. Вы хорошо понимаете, о ком идёт речь, и, думаю, одобряете меня». Взоры всех учеников обратились к Андрею. В глазах товарищей он почувствовал осуждение. Все ещё хорошо помнили, как несколько дней назад подросток грубо оскорбил святое имя — мать. Андрей попытался напустить на себя равнодушные, но это ему не удалось. Сказанное мною как-то выбило его из колеи. Надо сказать, что после этого случая он стал менее наглым.

Недоверие как метод воспитания теряет всякий смысл и превращается по результатам в свою противоположность, если оно не поддерживается, не одобряется коллективом. Прежде чем прибегать к этому методу, воспитатель должен длительное время *готовить морально коллектив*. Эта подготовка заключается прежде всего в воспитании непримиримости, нетерпимости к безделию, туеядству, недисциплинированности, расхлябанности.

Запрещение — это один из очень нужных и эффективных приёмов воспитания, если он умело применяется. Запрещение, — если за ним стоит необходимый моральный авторитет запрещающего, — предотвращает многие беды — «прожигание» жизни, необоснованные претензии юнцов на жизненные блага, не заслуженные личным трудом... Ведь желания незрелого человека можно сравнить с побегам на маленьком плодовом дереве: распускается на нём множество ростков, и часть из них — «дикие», так называемые «волчки»; садовод их срезает, оставляя на дереве только плодоносные побеги. Так и с человеческими желаниями в детские и отроческие годы: школьнику хочется очень многого, его желаниям нет конца. Но, если дать волю всему, что зеленеет, плодовое дерево одичает, обильная поросль «волчков» забьёт плодоносные ветви. Если старшие стремятся удовлетворять любое желание ребёнка, вырастает капризное существо, раб прихотей и тиран ближних. Воспитание желаний — тончайшая, филигранная работа «садовода»-воспитателя, мудрого и решительного, чуткого и безжалостного. Он умело срезает «волчки», оставляя ростки, которые дадут плоды. [...]

Доверие — наиболее понятное для воспитанников любого возраста выражение уважения к его человеческому достоинству. Не говоря ни слова о признании нравственных качеств своего питомца, воспитатель, оказывая доверие, не только заявляет об этом признании, но и как бы открывает перед питомцем перспективу дальнейшего морального развития, — он выражает уверенность, что человек, уже обладающий определёнными моральными богатствами, завтра будет иметь новые.

Пользоваться методом выражения доверия и недоверия невысказанно без глубокого знания индивидуальности каждого питомца, без глубокой веры в добро. Этот острейший инструмент полезен лишь при условии тончайшего, безошибочного его применения. Если педагог, зная понаслышке о блестящих результатах проявления доверия в воспитательной системе А.С. Макаренко, решает: сделаю и я так, авось что-нибудь получится, то ученик почувствует, что воспитатель делает из него игрушку; такое «доверие» оборачивается для педагога самым неожиданным результатом: воспитанник становится замкнутым, настороженным, недоверчивым и озлобленным, он болезненно воспринимает доброе слово.

Выражение доверия — это свежий ветерок, раздувающий слабенькие, иногда еле тлеющие огоньки совести воспитанника. Если воспитатель правильно выбрал, определил ситуацию для выражения доверия, то в результате воспитанник как бы обращает взгляд на самого себя, видит, оценивает добро и зло в самом себе, у него пробуждается горячее стремление утвердить в себе добро, предстать перед людьми лучшим, и это стремление является движущей нравственной силой.

Искусство оказания доверия требует от воспитателя, чтобы он выражал своим доверием прежде всего оценку доброго начала в человеке, как бы забыл, заставил себя забыть о зле. Признаком дрянного педагогического невежества является то, что отдельные воспитатели, оказывая доверие, напоминают воспитаннику: за тобой числится много грешков, я об этом помню, но вот, видишь, доверяю тебе; значит, я добрый человек, так будь же и ты хорошим... Подобные слова учителя — соль на рану в человеческом сердце: воспитанник чувствует, что педагог придумал свой фокус с доверием только для того, чтобы усилить контроль. И он чаще всего отвергает попытку учителя. То, что школьник оправдал доверие, ни в коем случае не может быть предметом похвалы, поощрения, вообще усиленного внимания со стороны воспитателя, ученического коллектива.

Большого такта и осмотрительности требует выбор дела, в котором выразится доверие к воспитаннику. Это дело должно быть настоящей самопроверкой, испытанием совести; пусть ученик раскроет в нём свои волевые силы. [...]

И снова мы возвратимся к тому условию действительности слова, да и любого приёма педагога, о котором говорили вначале: каждое проявление педагога должно отражать его личность, его нравственность, человечность, доброту, правдивость. [...] Сколько бы хороших слов ни произносил учитель, они останутся для воспитанников звуком пустым, если в жизни своего наставника они не увидят воплощения всех этих слов и призывов.

1967 г.

Павел Митрофанович Золотарёв БУКЕТ ПОЛЕВЫХ ЦВЕТОВ

Поле, лес, пригорок. Трава в пояс. Кузнечики стрекочут. Тихо и мирно. Но вдруг в траве проглянет поросший травой окоп, на осыпавшемся склоне завиднеются остатки блиндажа. А на холме — памятник над братской могилой советских бойцов, сложивших

голову за Родину. Тут, в Воронежской области, проходила линия обороны наших войск — эти бои, эти поля и леса даже в военной литературе называли «малым Сталинградом». Битвы здесь были кровавые, страшные, смертельные...